

На правах рукописи

КУСТОВА Елена Витальевна

**МОНАСТЫРИ И МОНАШЕСТВО
В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПРИУРАЛЬЯ
В СЕРЕДИНЕ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург – 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Вятский государственный университет» на кафедре отечественной истории

Научный консультант:

доктор исторических наук **Лисовой Николай Николаевич**

Официальные оппоненты:

Дмитриева Зоя Васильевна, доктор исторических наук, ФГБУН Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, ведущий научный сотрудник отдела древней истории России

Мангилева Анна Владимировна, доктор исторических наук, доцент, Религиозная организация - духовная образовательная организация высшего образования «Екатеринбургская духовная семинария Екатеринбургской Епархии Русской Православной Церкви», профессор кафедры церковно-исторических и гуманитарных дисциплин

Чагин Георгий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», заведующий кафедрой древней и новой истории России

Ведущая организация: ФГБУН Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург)

Защита состоится «12» декабря 2017 г. в 12.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=270664>

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. ист. наук, доц.

А. В. Шаманаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. История Русской Православной Церкви сегодня вновь возвращается в сферу научных изысканий, что обусловлено современными социокультурными процессами. Кардинальные изменения общественно-политического строя в России в 1990-е гг. породили проблему самоидентификации российского общества. В процессе поиска национальных ориентиров происходит обращение к традиционным ценностям русского народа, которые были тесно связаны с многовековым опытом православия. Актуален этот опыт и для самой Церкви, которая в новых условиях активно развивает взаимодействие с обществом и государством.

Ядром духовной жизни Православной Церкви на протяжении веков являлось монашество. Ему принадлежала особая роль в средневековье, когда монастыри были не только носителями православной духовности, оказавшими влияние на формирование русского менталитета, но и хозяйственными, книжными центрами, образцами архитектурных стилей, колонизаторами огромных пространств. При этом монашество являлось индикатором происходивших в обществе изменений, поскольку приходило из «мира» и с ним взаимодействовало.

Сложность изучения русского средневекового монашества обусловлена не только относительной закрытостью монастырей и ограниченностью источников, отражающих их внутреннюю жизнь. В разные исторические периоды его сопровождали противоположные и не всегда объективные оценки. Представления, сложившиеся на основе изучения отдельных, преимущественно известных обителей, переносились на монашество в целом, что препятствовало созданию объективной картины.

Без проведения комплексных региональных исследований по истории монашества сегодня невозможно во всем многообразии реконструировать религиозную жизнь русского средневековья, понять роль монастырей в жизни провинциальных сообществ, их региональную и гендерную специфику.

Одним из самобытных, но в то же время малоизученных регионов монастырского строительства являлось Приуралье. Создание монастырей в крае, первоначально заселенном финно-угорскими народами, началось позднее по сравнению с северными и центральными районами России и было тесно связано с процессами колонизации.

Объект исследования – Русская Православная Церковь в Приуралье в процессе исторического развития в середине XVI – первой четверти XVIII в. В рамках указанного объекта **предметом исследования** выступают монастыри и монашество как социокультурные феномены в контексте взаимодействия с историко-культурной, географической и социальной средой.

Цель – создание на материалах Приуралья научной картины формирования и развития монастырей и монашества как целостного религиозного и историко-культурного явления, в рамках его духовного служения и социокультурной жизни региона в середине XVI – первой четверти XVIII в.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

1. На основе памятников канонического права и иноческих уставов были раскрыты основания восточнохристианского монашества и прослежены его традиции в средневековой Руси.

2. Выявлены предпосылки, условия, этапы и особенности формирования монашества в Вятском крае и в Перми Великой в досинодальный период.

3. Разработана типология монастырей и форм монашества в Приуралье с учетом гендерного аспекта и местных особенностей вятских и пермских земель.

4. Определено правовое положение монашествующих Приуралья в досинодальный период, проведено его сравнение с каноническим правом и общероссийской церковно-правовой практикой.

5. Прослежены изменения численности братии вятских и пермских монастырей, а также выявлены особенности их социального состава с учетом гендерного, возрастного и сословного аспектов.

6. Охарактеризована система монастырского управления и послушаний братии.

7. Монастыри описаны как духовные центры Приуралья со своей системой воспитания братии, выяснены причины существовавших в духовной жизни монашества проблем и уточнены бытующие в историографии представления о духовном кризисе русского монашества в XVII в.

8. Раскрыты особенности повседневной жизни монашества Приуралья с учетом ее взаимодействия с историко-культурной, географической средой и местными сообществами.

9. Показано место монастырей в процессе формирования религиозного ландшафта и книжной культуры Приуралья.

10. Уточнены формы и характер социокультурного взаимодействия приуральских монастырей с «миром» и оценена широта распространения их влияния.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины XVI в. до 1725 г. Избранный период представляет собой начальный этап монастырского строительства в Приуралье, когда были созданы все известные до середины XIX в. вятские и пермские монастыри (за исключением Чердынского Богословского, возникшего еще в XV в.). Нижняя граница обусловлена созданием в 1558–1560 гг. крупнейшего в Приуралье Пыскорского монастыря, который стал важным фактором монастырской колонизации. Верхняя связана с начавшимися в начале XVIII в. процессами модернизации страны, которые оказали глубокое влияние на жизнь всего русского общества. Несмотря на то, что в качестве верхней границы берется 1725 г., в работе не рассматривается церковная реформа Петра I. В повседневной и духовной жизни монастырей Приуралья в этот период преобладали тенденции и особенности предшествующего столетия. Реализация петровских преобразований в полной мере началась после создания Синода. Первым шагом, серьезно повлиявшим на жизнь приуральского монашества, стало закрытие и слияние малобратственных монастырей в 1725 г.

Территориальные рамки исследования охватывают центральное и северное Приуралье, ограниченное Вятской и Великопермской епархией (территория центральной части современной Кировской области, Республики Удмуртия, Пермского края с Коми-Пермяцким округом).

В XVII в. в состав Вятской земли входили Хлыновский, Котельничский, Орловский, Слободской и Шестаковский уезды, а Пермь Великая включала в себя Чердынский, Соликамский, Кайгородский, Кунгурский уезды, а также вотчины Строгановых. Указанные регионы были тесно взаимосвязаны между собой, особенно после объединения их в 1657 г. в рамках единой епархии. В работе используются в качестве синонимов понятия Приуралье и Вятско-Камский регион¹, которые включают в себя Вятский и Пермский край.

Степень изученности проблемы.

Отечественную историографию русского монашества XVI – начала XVIII в. можно разделить на три больших периода: дореволюционный, советский и современный.

На первом этапе (*XIX – начало XX в.*) была обозначена основная проблематика и созданы первые историко-церковные описания различных обителей. В этот период велась активная публикация источников, создавались справочные материалы, а также фундаментальные исследования по истории РПЦ митр. Макария (Булгакова) и Е. Е. Голубинского с разделами по истории монашества. Во второй половине XIX в. произошел переход от описательного подхода к аналитическому изучению монашества. Для историков и провиденциального, и позитивистского направлений были характерны широкий источниковедческий кругозор и критический анализ сохранившихся документов. В дореволюционной историографии были выявлены основные этапы и тенденции развития русского монашества, положено начало изучению социокультурных аспектов жизни монастырей. Были подняты важные вопросы взаимообусловленности хозяйственной и духовной сторон жизни монастырей, а также духовного кризиса монашества в XVII в. (В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, П. Н. Милюков и др.). Исследователи проявляли большой интерес к вопросам монастырских уставов, канонического права, монастырской колонизации, агиографии, книжных собраний. Была впервые обозначена тема повседневной жизни русского средневекового монашества. Важным шагом в развитии темы стало появление широких комплексных исследований по истории отдельных монастырей (А. В. Горского, Н. К. Никольского и др.).

Традиции изучения истории РПЦ дореволюционной историографией были продолжены историками *русской эмиграции*. Вопросы досинодального монашества затрагивались как в фундаментальных исследованиях, где одним из лучших стала работа И. К. Смолича, так и в учебных курсах. Особое внимание учеными уделялось кризису монашества XVI–XVII вв., в котором они пытались увидеть истоки духовного кризиса начала XX столетия (А. В. Карташев,

¹ Использование понятия Вятско-Камский регион в отношении только Вятской земли, на наш взгляд, неправомерно сужает территорию указанного региона, если учесть, что большая часть Камского бассейна находится в Пермском крае.

прот. Г. Флоровский, прот. А. Шмеман). Для них был характерен глубокий интерес к традициям русской святости (Г. П. Федотов). При этом многие работы имели, скорее, историософский, а не конкретно-исторический или источниковедческий характер.

В *советский период* изучались преимущественно социально-экономические вопросы жизни монашества в преломлении марксистской идеологии. Работы 1930-х гг. характеризовались односторонним, упрощенным и идеологизированным подходом (Н. Буркин, Е. Ф. Грекулов, Н. М. Никольский, В. И. Писарев). Появление более сдержанных в оценках и объективных по содержанию научных работ произошло уже в 1960-е гг. Несмотря на доминирование социально-экономического направления, отдельные социокультурные аспекты монашества рассматривались в рамках источниковедения, историко-филологических и искусствоведческих исследований.

На *современном этапе* благодаря смене научной парадигмы и обращению к культурно-антропологическому подходу значительно расширилось проблемное поле социокультурных исследований монашества. Сегодня изучением указанной проблематики в России занимаются несколько научных центров. В первую очередь, следует отметить научные школы З. В. Дмитриевой (С.-Петербург) и М. С. Черкасовой (Вологда), в рамках которых ведется широкое изучение средневековых монастырей Русского Севера. В круг их научных интересов входит изучение монастырского строительства в XV–XVII в., исследование истории отдельных монастырей и их роли в экономической и социокультурной жизни региона, монастырского землевладения и иммунитета, социальной структуры монашества, ведется широкая публикация документов монастырских архивов. Вопросы церковной истории русского средневековья также изучаются ведущими образовательными (МГУ, РГГУ) и академическими центрами Москвы (Научный совет РАН «Роль религий в истории», Центр истории религии и Церкви ИРИ РАН). Это исследования Е. В. Беляковой, Я. Е. Водарского, Э. Г. Истоминой, Е. Б. Емченко, Е. М. Колычевой, Н. Н. Лисового, В. С. Румянцевой, Н. В. Сеницыной и др. Развиваются региональные изыскания истории средневековых монастырей, среди которых особо следует отметить уральских исследователей (И. Л. Манькова, А. Г. Мосин, Н. А. Мудрова, М. Ю. Нечаева, Л. С. Соболева, А. Т. Шашков).

В последние годы исследователи все чаще обращаются к монашеству как социокультурному феномену российской истории. В центре внимания стоят вопросы монастырского управления и послушаний братии, просопографии монашества и его социального состава, монастырской книжности, сакральных смыслов монастырских ансамблей. В последнее время обозначилась тенденция к изучению духовной и повседневной жизни русского средневекового монашества. Возрождается интерес к изучению монастырских уставов. Возросло внимание к вопросам поминальной практики в монастырях на основе изучения синодиков, кормовых и вкладных книг. С 1990-х гг. началось обращение к гендерному аспекту жизни средневековых русских монастырей. Продолжается изучение и

комментированное издание источников, которые расширяют исследовательские возможности социокультурной проблематики.

Зарубежная историография. В последние десятилетия западными учеными стало уделяться больше внимания русскому монашеству XIV–XVII вв., история которого включается в компаративистские и обобщающие исследования. В первую очередь, это работы П. Бушковича, Д. Голдфрэнка, П. Гонно, Т. Дайкстры, Д. Миллера, Д. Спок, Л. Штайндорфа. При всей неоднозначности ряда гипотез и выводов, работы американских и европейских авторов представляют новые аспекты и трактовки в изучении русских средневековых монастырей. В центре внимания историков оказались крупнейшие русские обители XVI–XVII вв. – Троице-Сергиев, Соловецкий, Иосифо-Волоцкий монастыри, которые не только оказали огромное влияние на русскую историю, но и сохранили богатые архивы. Исследователи рассматривают вопросы, связанные с повседневной жизнью монастырей, их ролью в жизни общества, численностью и социальным составом братии, развитием письменной культуры. Одной из ведущих тем западной историографии стало изучение поминальной практики и почитания святых в русских монастырях Московского периода.

Историография приуральского монашества. Изучение истории средневековых монастырей Приуралья началось еще в XIX в. До революции был опубликован широкий комплекс преимущественно актовых источников по истории вятского и пермского монашества и положено начало их критического анализа. В частности, следует отметить деятельность членов Вятской ученой архивной комиссии А. С. Верещагина, А. А. Спицына, В. И. Шабалина. В изучении пермского монашества XVI–XVII вв. особая роль принадлежала авторам обобщающих исследований по истории края В. Н. Шишонко и А. А. Дмитриеву. Несмотря на содержащиеся в их работах фактические ошибки, в научный оборот был введен значительный пласт новых источников. При этом специальные работы по истории монастырей, как правило, носили описательный характер (Н. Краснов, прот. Д. Рязанцев, свящ. К. Селивановский, свящ. И. Словоцков, П. Ярушин). Региональные исследования почти не затрагивали социокультурных аспектов истории монастырей, за исключением вопросов почитания икон и жизнеописания святых (прот. Л. Зубарев, прот. И. Осокин, иером. Серафим (Веснин)). В целом, для дореволюционной региональной историографии был характерен иллюстративный подход, который заключался в пересказе и комментировании документов, без серьезных обобщений.

В советской историографии монастыри рассматривались через призму формационного подхода, в рамках которого основное внимание уделялось истории монастырских вотчин и крестьянских волнений (А. А. Савич, С. А. Токарев, А. В. Эммаусский). Что же касается «культурного» направления, определенная свобода в исследовании архитектурных памятников в 1960–1970-е гг. позволила А. Г. Тинскому начать изучение монастырских ансамблей г. Хлынова в XVII в.

С началом «перестройки» произошло возрождение историко-церковной тематики. Однако большая часть региональных изысканий сегодня опирается главным образом на опубликованные до революции источники и исследования.

Монашеству посвящены преимущественно краеведческие статьи, в которых не всегда можно видеть обоснованные выводы и гипотезы, а научные публикации затрагивают сравнительно узкий круг вопросов. Так, начальные страницы истории вятских монастырей получили отражение в статьях прот. А. Дудина, А. В. Маркелова, А. Л. Мусихина, В. В. Низова, В. И. Сычева. Отдельные публикации по ранней истории пермского монашества принадлежат Г. П. Головчанскому, А. Ф. Мельничуку, Г. Н. Чагину и др. В постсоветское время возродился интерес к личности основателя вятского монашества преп. Трифона Вятского, которому посвящены работы прот. С. Гомаюнова, А. А. Маркова, И. О. Чуриной, Е. Н. Шумилова и др. Большое внимание уделяется монастырской книжности (А. Г. Мосин, Н. А. Мудрова, В. В. Низов, А. Т. Шашков), изучению ансамблей крупных монастырей (И. В. Берова, Л. Б. Безверхова, А. Г. Тинский) и искусствоведческих вопросов (Н. В. Кривошеина, Г. А. Мохова).

Таким образом, за последние два столетия сформировалась проблемное поле по социокультурной истории русских монастырей XVI–XVII вв. Внимание историков-медиевистов привлекали традиционно четыре региона: Москва и Подмосковье, Русский Север, Зауралье и Сибирь, а объектами исследования зачастую выступали наиболее значимые обители, которые являлись активными участниками общерусских событий и обладают обширной источниковой базой. При этом слабо изучены небольшие монастыри и пустыни, а внимание к мужским обителям неизменно превалирует над изучением женских.

Что же касается Приуралья, в немногочисленных работах по истории монастырей Вятско-Камского региона досинодального периода основное внимание уделялось вопросам хозяйственной жизни и архитектурных ансамблей. При этом фактически за рамками исследований оставались наиболее сложные вопросы внутреннего устройства обителей и повседневной жизни иноков, их правового положения, символики монастырских ансамблей. Практически отсутствуют и комплексные социокультурные исследования, которые бы позволили раскрыть основные тенденции и особенности в развитии вятских и пермских обителей.

Логика развития проблематики русского средневекового монашества, которая содержит в себе значительные лакуны и дискуссионные вопросы, подтверждает важность комплексного исследования выбранной нами темы.

Источниковая база исследования.

В основе исследования лежат письменные источники XV – первой четверти XVIII в. Помимо опубликованных источников, в работе было использовано более 220 дел 55 фондов 12 архивных и 3 музейных хранилищ, как центральных (РГАДА, РГИА, Архив СПбИИ РАН, НИОР РГБ, ОР РНБ, НИОР БАН), так и региональных (ГАКО, ГАПК, НАРТ, Сектор редкой книги НБ ВятГУ, Региональный центр по работе с книжными памятниками Кировская областная научная библиотека им. А. И. Герцена, Чердынский Богословский монастырь, Сектора письменных источников Кировского областного краеведческого музея, Вятского художественного музея, Пермского краеведческого музея).

В памятниках *светского и церковного законодательства* (Кормчая книга, решения соборов РПЦ, судебники и законодательные акты XVI – начала XVIII в.) содержатся правовые нормы, регулировавшие отношения монастырей с государством, церковными институтами и верующими. Они отражают характерные тенденции церковной жизни, изменения в церковной политике государства, правовое положение монашествующих, иммунитетные права обителей, судебные и земельные вопросы, наиболее острые проблемы в жизни монастырей. Они создают основу для проведения сравнительного анализа региональной истории с общероссийскими процессами.

При изучении зарождения и развития восточнохристианского монашества использовались монастырские уставы древних и русских средневековых монастырей. Уставов вятских и пермских монастырей XV–XVIII вв. не сохранилось. К этой группе условно можно отнести лишь духовное завещание преп. Трифона Вятского.

При рассмотрении оснований монашеской жизни и особенностей менталитета черного духовенства привлекался «Требник иноческий» (1639), который содержит чины пострижения и погребения монахов.

Наиболее обширной группой источников, непосредственно относящейся к вятским и пермским монастырям, являются *актовые материалы*. Из публично-правовых актов сохранился комплекс царских, архиерейских и патриарших грамот (храмозданных, жалованных, тарханских, оберегательных, межевых, мировых, сотных), выданных монастырям и Строгановым. Из частно-правовых – использовались купчие, данные, меновые записи, кабалы, духовные грамоты.

Актовые материалы позволяют представить деятельность духовных властей по освоению новых земель, правовое положение монастырей, оценить их экономический потенциал, изучить отношения с духовными и светскими властями, крестьянами и другими обителями.

Послания московских митрополитов на Вятку и в Пермь Великую XV – начала XVI в. отражают существовавшие проблемы в духовной жизни общества и особенности местного церковного управления.

Взаимоотношения монастырей со светскими и духовными властями, а также со своими вотчинами получили отражение в *делопроизводственных документах* (челобитных, памятях, сказках, выписях из писцовых книг и иных документов, приходо-расходных книгах земских учреждений и др.). Приходо-расходные книги вятских и пермских монастырей, сохранившиеся лишь за 1689–1704 гг., стали одним из основных источников для изучения повседневной жизни братии. В крепостных книгах содержатся сведения о владении монахами собственностью и сделках, что свидетельствует об их правовом положении.

Из документов *церковно-государственного учета* в работе привлекались монастырские дозоры, описи и ведомости. Схожая информация содержится в *писцовом делопроизводстве* (дозорных, писцовых и переписных книгах вятских и пермских городов и уездов) и *отказных книгах* монастырей. Указанные источники позволяют реконструировать внешний вид обителей, структуру их хозяйства, состав книжных собраний, занятия и уровень жизни братии, существовавший в монастыре устав, выяснить названия церквей. Ведомости

монашествующих 1724 г. благодаря массовому характеру позволяют воссоздать «социальный портрет» монашества с учетом сословного, возрастного и гендерного аспектов, изучить традицию принятия пострига, систему послушаний, распространение влияния монастырей на соседние регионы, частоту монашеских переходов, отношения монахов со своими родственниками. Однако учетная документация не всегда достоверна, поэтому требует проверки и корректировки через данные других источников.

Оброчные книги в рамках нашей темы дают представления о хозяйственной политике настоятелей и позволяют уточнить время их нахождения у монастырского управления.

Об участии монашествующих в архиерейских богослужениях и крестных ходах свидетельствует **Чинovníк архиерейского служения** вятского еп. Александра с более поздними добавлениями.

Синодики и помянники вятских и пермских монастырей и храмов использовались при изучении особенностей поминальной практики в обителях, географической широты влияния монастырей и их социокультурных связей, численности и структуры братии, биографий иноков и их родственных связей, свободы их передвижения.

В вятских и пермских **летописях** конца XVI – начала XVIII вв., а также монастырских летописях XIX в. содержатся начальные страницы истории региона, сведения о построении храмов, необычных природных явлениях и пожарах, предания о чудотворных иконах, история обретения мощей.

Сказания и повести об иконах содержат указания на обстоятельства основания некоторых обителей, отражают особенности религиозного сознания общества, широту почитания отдельных икон и связанных с ними монастырей.

Важнейшим источником по ранней истории монашества в Приуралье является **житие преп. Трифона Вятского**, написанное в середине XVII в. монахом Хлыновского монастыря. Житие известно в трех основных редакциях и более чем в 20 списках. Оно позволяет увидеть монастырскую жизнь глазами инока того времени, отношение агиографа к важнейшим сторонам человеческой жизни, реконструировать основные черты монастырских уставов, процесс складывания культа преп. Трифона. Житие раскрывает подробности создания некоторых вятских и пермских обителей, а также описывает жизнь в Приуралье монаха-отшельника.

В работе также привлекались жития Артемия Веркольского и Прокопия Вятского, которые содержат сведения о преп. Трифоне и его почитании в XVII в.

Сборники поучений для монашествующих раскрывают суть монашеского подвига, объясняют главные монашеские обеты, приводят высказывания святых отцов и иных подвижников о монашестве.

Представления о религиозных традициях русских, а также характеристики русского средневекового монашества встречаются в **записках иностранцев о России** – С. Герберштейна, Р. Барберини, Я. Ульфельда, А. Поссевино, П. Петрея, Павла Алеппского, А. Мейерберга, Б. Козыта. Несмотря на определенную тенденциозность, они представляют немалый интерес, поскольку иностранцы

обращали внимание на явления повседневной жизни, привычные русскому глазу, которые почти не нашли отражения в отечественных источниках.

В исследовании использовались *издания кириллической печати* XV–XVII вв. с владельческими и иными записями из ОРК РНБ, НИОРК БАН, ОРСК ГИМ, Древлехранилища Лаборатории археографических исследований УрФУ, Регионального центра по работе с книжными памятниками Кировской областной библиотеки им. А. И. Герцена. Наряду с сохранившимися рукописными книгами они свидетельствуют о движении книжного фонда приуральских монастырей, источниках поступления книг, формировании частных собраний иноков, «книжных интересах» братии, благотворителях обителей и пр.

Вещественные источники представлены культовыми и бытовыми предметами приуральских монастырей из коллекций музейных собраний Кировского краеведческого и Вятского художественного музеев, Слободского музейно-выставочного центра, Пермской художественной галереи.

В целом, по теме исследования сохранился широкий и репрезентативный круг источников, который позволяет сделать обоснованные выводы.

Методологические подходы и методы исследования.

В основе исследования лежит междисциплинарный подход, который предполагает использование методов исторической науки с комплексом вспомогательных и специальных исторических дисциплин, а также культурологии, социологии, психологии, филологии.

С позиции *системного подхода* монастыри изучались как преимущественно самоорганизующиеся системы, обладающие целью, ресурсами и ограниченной связью с внешней средой. Были проанализированы их основные структурные элементы и подсистемы, некоторые из которых играли роль системообразующих факторов, а также характерные для систем проблемы соотношения ресурсов и цели, приоритета целого над частями, саморегулирования и самообеспечения, воздействия окружающей среды и пр.

В рамках *культурно-антропологического подхода* в диссертации изучались повседневная жизнь монашества и его менталитет, влияние монастыря на формирование ценностей провинциального общества, равно как и влияние «мира» на жизнь монахов. Книжность, архитектурные ансамбли, формы и нормы повседневной деятельности монастырских корпораций, внутренний порядок их жизни рассматривались как средства сохранения и передачи основных ценностных установок монашества. Особое внимание было уделено гендерной истории.

С точки зрения *теории культурных ландшафтов* монастырские ансамбли анализировались как структурно-семантические тексты, которые благодаря символам и знакам способны сохранять и передавать определенную систему ценностей. Применялась и близкая ей концепция *иеротопии*, которая делает упор на изучение деятельности людей по созданию и восприятию сакральных пространств как среды общения с высшим миром, как особый вид духовного и художественного творчества.

При работе над диссертацией наряду с общенаучными методами (количественного анализа и др.) использовались *специально-исторические*

методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический. Работа с рукописными источниками обусловила необходимость использования методов кодикологии, палеографии, текстологического анализа.

Просопографический метод через сплошное исследование биографий монашествующих по ведомостям 1724 г. позволил создать «социальный портрет» братьев отдельных монастырей, провести их сравнительный анализ, выявить некоторые особенности монастырской повседневной жизни.

Научная новизна исследования.

1) Диссертация представляет собой первое комплексное исследование социокультурной истории досинодального монашества Приуралья и одно из первых комплексных региональных исследований по указанной проблематике в России.

2) Выявлены и введены в научный оборот новые источники по истории пермского и вятского монашества XVI – первой четверти XVIII в. 55 архивных фондов.

3) Приуралье было выделено как самостоятельный район монастырской колонизации, показана его специфика, выявлены факторы создания и развития монастырей в регионе в XVI – первой четверти XVIII в., охарактеризованы основные этапы становления монашества.

4) Разработана типология православных монастырей и монашества Приуралья XVI–XVII вв., уточнены некоторые термины и понятия: «приписной монастырь», «двойной монастырь», «пустынь» и др. Изучено монашество, существовавшее вне монастырей, показаны его особенности в вятском и пермском регионе.

5) В процессе исследования был создан общий перечень пермских и вятских монастырей, выяснены или уточнены время их создания и закрытия, реконструирована их история, обнаружены сведения о ранее неизвестных обителях.

6) Впервые на примере Приуралья проведено комплексное гендерное исследование досинодального монашества в России, выявлены особенности и характерные черты женских и мужских монастырей и общин с учетом их социально-демографических характеристик (социальный, возрастной и половой состав, география проживания и пострига, динамика численности и др.)

7) Комплексно проанализировано правовое положение монашествующих региона, проведено его сравнение с каноническим правом и общероссийской церковно-правовой практикой.

8) Впервые представлена целостная картина повседневной жизни вятского и пермского монашества досинодального периода через призму взаимодействия с историко-культурной, географической средой и социумом региона.

9) Показано место и значение вятских и пермских монастырей как духовных центров региона со сложной системой духовного воспитания. На материалах Приуралья переосмыслены устоявшиеся в историографии представления о духовном кризисе религиозной жизни монашества в XVII в.

10) Впервые комплексно проанализированы все известные посвящения престолов монастырских храмов Вятско-Камского региона и сделана попытка

определить их семантическую нагрузку, исходя из конкретно-исторического контекста.

11) Выявлены тенденции развития книжных фондов монастырей с учетом новых культурных явлений XVII в., а также определен уровень грамотности монашествующих в первой трети XVIII в.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Результаты исследования могут использоваться научным сообществом при проведении компаративных исследований, написании обобщающих работ по истории РПЦ и Вятско-Камского региона, при создании просопографических и иных электронных баз данных. Они могут применяться при разработке общих и специализированных учебных курсов.

Материалы исследования могут быть полезны местным органам власти при работе с православными религиозными организациями, в частности, в рамках программ по сохранению объектов культурного наследия; учреждениям культуры при составлении справочной литературы и подготовке специализированных выставок. Обращение к дореволюционному опыту РПЦ не менее важно и для современного монашества, которое сталкивается с проблемами внутренней организации, взаимодействия с обществом и государством.

Положения, выносимые на защиту:

1) Широкое создание монастырей в Приуралье началось с середины XVI в., что было обусловлено особенностями колонизационных процессов, преобладанием нерусского населения, слабостью церковной организации и удаленностью архиереев. Строгановские городки стали опорными пунктами колонизации и монастырского строительства, которое от Верхнего Прикамья распространилось в южных районах Перми Великой и в Вятском крае, следуя параллельно с крестьянской колонизацией, а, порой, и обгоняя ее. Формирование женского монашества следовало за мужским и нередко зависело от него в экономическом, духовном и административном отношении.

2) Можно выделить две волны монастырского строительства в Приуралье: в конце XVI – первой четверти XVII в., что было связано с деятельностью Строгановых и преп. Трифона Вятского, заложившего духовные основания монастырской жизни, и в последней четверти XVII в., обусловленное деятельностью архиеп. Ионы.

3) Инициатива создания монастырей в регионе в XVI–XVII вв. исходила не от государства и церковных властей, которые поддерживали этот процесс, а от местных сообществ и частных лиц, обладающих духовными устремлениями или / и экономическими возможностями. При создании и развитии вятских монастырей решающее значение имела инициатива местного сообщества, в отличие от пермских земель, где ведущую роль первоначально играли крупные благотворители. Создание городских монастырей в конце XVII в., а также пустыней на протяжении всего рассматриваемого периода являлось обычно инициативой монахов-подвижников.

4) Монашество в Приуралье в XVI–XVII вв. существовало во всех основных формах. Особенностью региона стала гендерная обусловленность внутреннего устройства монастырей. Если для мужских обителей было характерно

киновийное устройство, то для женских, располагавшихся исключительно в городах, особожительство. Монашество существовало и вне стен монастырей, сближаясь по социальному статусу с нищими. Наблюдалась также внутрирегиональная специфика женских общин: если в Пермском крае они формировались преимущественно при мужских обителях, порождая феномен приписных и «двойных монастырей», то в Вятском крае – вокруг приходских храмов. Отшельничество не получило большого распространения и известно по источникам только в XVI в.

5) Пострижение в монашество, особенно в преклонные годы, стало устойчивой традицией в Приуралье в XVI–XVII вв. Причины ухода в монастырь были как религиозные, так и социальные. Практика взимания вкладов при пострижении, широко распространенная в других регионах, не получила повсеместного распространения в вятских и пермских монастырях.

6) По социальному составу среди монашествующих преобладало крестьянство. Хотя положение человека в миру оказывало влияние на распределение обязанностей в монастыре, в то же время, сословные рамки в XVII – начале XVIII в. были взаимопроницаемыми. Поэтому даже выходцы из низов могли занять высокие должности в монастыре и получить священство, равно как и до принятия монашества вступить в духовное сословие, что наиболее ярко проявилось в пермских землях. При этом пустыни были более социально однородными, чем городские монастыри.

7) В XVII в. стабильный рост монашествующих наблюдался только в крупных монастырях, что было связано с устойчивостью их хозяйственной системы.

8) Правовое положение монашествующих не всегда соответствовало каноническому праву, хотя нарушения происходили сравнительно редко и являлись общероссийской практикой. Это касалось владения монахами недвижимой собственностью, проживания с родственниками, свободы выхода из монастыря и переходов в другую обитель, пребывания монахинь в мужских монастырях.

9) Духовные проблемы в обителях Приуралья, характерные и для других регионов страны, были вызваны недостаточным пониманием частью иноков смысла монашества как духовного подвига и связанных с ним обетов и ограничений, отсутствием или краткостью времени искуса, нахождением обители в городе, наличием среди братии представителей элиты, обязательными вкладами при пострижении, владением вотчинами, отсутствием опытных настоятелей и духовников в ряде монастырей, а также духовного образования.

10) Материалы Приуралья не подтверждают устоявшийся в историографии тезис об упадке и духовном кризисе монашества в XVII в. Негативные явления не получили широкого распространения в регионе. Более того, в указанный период наблюдался духовный подъем, который выразился в значительном численном росте монастырей и монашествующих, появлении монахов-подвижников, широком почитании икон и мощей при устойчивом сохранении общежительного устава в мужских монастырях.

11) Монастырская повседневность строилась вокруг основных смыслов монашества, подчиняя внешнюю жизнь внутреннему «деланию». Система питания, одежда, келейный быт в целом соответствовали как каноническим правилам, так и традициям крестьянского быта Русского Севера и Урала, отличались простотой и исходили из практических потребностей.

12) «Выживаемость» монастырей зависела не только от размеров земельных владений и развития промыслов, что было обусловлено царскими пожалованиями, вкладами частных лиц и деятельностью настоятелей, но также от комплексности хозяйства и его специализации. Хотя государство стремилось ограничить монастырское землевладение, до середины XVII в. оно было вынуждено оказывать помощь новым обителям в Приуралье, чтобы способствовать освоению слабозаселенного и удаленного региона. В то же время у женских обителей практически отсутствовали земельные владения и промыслы, что ставило их в большую зависимость от благодетелей и мужских монастырей.

13) Монастыри Приуралья не имели ярко выраженной функциональной специализации, поскольку изначально ориентировались на «духовное делание» как основную цель своего служения и формирование системы самообеспечения в сравнительно суровых природных условиях. Поэтому ни миссионерская деятельность среди язычников, ни социальное служение «миру», ни пенитенциарные функции не стали ведущими ни для одного из монастырей Приуралья досинодального периода.

14) Широта влияния монастырей Приуралья выходила за рамки своих уездов, захватывая регион Русского Севера, в меньшей степени земли центральной России. На степень известности монастыря, выражавшуюся в количестве паломников, монашествующих и вкладчиков, с учетом географического охвата, влияли наличие подвижников, почитаемых икон и мощей, крестные ходы, расположение вблизи крупных дорожных трактов и рек, владение вотчинами.

15) Монастырские ансамбли были проникнуты глубоким символизмом, представляя собой «пространственные иконы» различной степени сложности. Посвящение храмов Приуралья зачастую было обусловлено широким почитанием Богородицы, местных икон, с которыми предание связывало появление тех или иных монастырей. Они также носили имена святых – покровителей царствующего дома, ктиторов-благодетелей и наиболее крупных представителей русской монашеской святости.

16) Вятские и пермские монастыри в XVII в. благодаря богослужебному минимуму «расширенного» состава и «четым книгам» стали одними из основных центров провинциальной книжности, в развитии которых наблюдались общероссийские тенденции. Ведущее место среди «четых книг» занимали житийная литература и святоотеческое наследие, в то время как духовно-нравственные и полемические книги западнорусских авторов не получили большого распространения. Выработанные монашеством способы освоения и трансляции книжных собраний позволяли доводить их основное содержание до сведения даже неграмотной части братии и формировать книжную культуру

среди монашествующих, что нашло отражение в появлении частных собраний иноков, создании оригинальных произведений, формировании интереса к местной истории и к обучению грамотности.

17) В годы политических нестроений или экстраординарных локальных событий монастыри становились стабилизирующим фактором в жизни местного сообщества. При этом местные события имели более важное значение в жизни приуральских монастырей, чем общероссийские.

Достоверность и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов проведенного исследования определяется, с одной стороны, разнообразием методологических подходов, которые представляют современный уровень методики исторических исследований. С другой стороны, широтой и репрезентативностью использованных исторических источников.

Основные положения исследования отражены в 52 публикациях общим объемом 157,7 печ. л.: монографии (в 2-х тт.), учебном пособии (раздел) и 49 научных статьях, в том числе 19 в журналах, рекомендованных ВАК («Российская история», «Вопросы истории», «Военно-исторический журнал», «Отечественные архивы», «Вестник архивиста» и др.)

Результаты исследования были представлены на 35 конференциях, в том числе 12 международных и 10 всероссийских. Также 14 апреля 2015 г. был сделан доклад по теме исследования в Центре истории религии и Церкви ИРИ РАН.

Тема была поддержана грантами РГНФ «Монастыри и монашество в социокультурной и экономической жизни Приуралья XV–XVII вв.» (№14-11-43003 а(р)), «Вятское монашество XVIII в. как социокультурный феномен» (№13-11-43002 а(р)).

Результаты научной деятельности в рамках диссертационного исследования в 2013 г. были отмечены победами по итогам всероссийских и региональных конкурсов: Лауреат Макариевской премии (Москва), Победитель Всероссийских конкурсов «Просвещение через книгу» (1 премия) (Москва) и «Лучшая книга в гуманитарной сфере» (1 премия) (Киров), XV областного конкурса «Вятская книга - 2012» (Киров), конкурса ВятГГУ по гуманитарному направлению (Киров).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, 20 приложений. Общий объем работы составляет 967 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** диссертации определяется актуальность темы исследования, ее новизна, формулируются цель и задачи исследования, используемые методы и методологические подходы, определяется теоретическая и практическая значимость, достоверность и апробация работы, а также содержатся тезисы, выносимые на защиту.

В **первой главе «Источники и историография вопроса»** рассматриваются основные работы, посвященные монашеству XVI–XVII вв., показано

формирование проблематики, основных подходов, характеризуются группы источников, привлеченных в диссертационном исследовании.

Во **второй главе** на основе анализа памятников канонического права и иноческих уставов рассмотрены **основания восточнохристианского монашества и его традиции в средневековой Руси**. Глава состоит из шести параграфов (*2.1. Этапы формирования православного монашества до XVIII в., типы монастырей и уставы; 2.2. Правовое положение монашества в Византии и в России в досинодальный период; 2.3. Монашеские обеты; 2.4. Система послушаний в монастыре; 2.5. Происхождение и символика монашеских одежд; 2.6. Система духовного воспитания в восточнохристианском монашестве*).

Русь, восприняв в X веке крещение от Византии, обрела возможность обращения к многовековому опыту восточных монастырей, к богатейшей духовной и канонической книжности палестинского, египетского, афонского монашества.

Христианское монашество, сформировавшееся в основных чертах в III–IV вв., представляло собой диалектическое единство индивидуальности каждого верующего человека, от волевых усилий которого зависело дело его спасения, и соборного опыта, предания и сознания Церкви. Сочетание личного и соборного начала способствовало формированию основных типов монастырского устройства – общежительства, особножительства и отшельничества. Впоследствии Русь восприняла от византийского монашества все эти формы, из которых первые две получили наибольшее распространение.

Оформившись к V в. как церковный институт, монашество оказалось вписано в систему гражданских и церковных законов. Византийское каноническое право, в котором ведущую роль играл Номоканон, легло в основу правового положения русского монашества. Оно определяло условия поступления в монастырь, ступени монашества (послушничество, малую и великую схиму, а в более поздний период и рясофор), общие правила монашеского устройства и санкции, связанные с их нарушением, вопросы перехода из одного монастыря в другой и выхода из него. Кроме того, русское монашество восприняло обеты, которые сформировались еще в IV–VI вв. из опыта первых христианских подвижников и ранних монашеских общин и несли в себе основные духовные смыслы монашества. В рамках православной традиции они просуществовали до наших дней, в отличие от католичества, которое пошло по пути умножения типов монашества, создания «функциональных» монашеских орденов, имевших ту или иную «специализацию».

Помимо общецерковного корпуса канонического права, внутреннее устройство монастырей определялось монастырскими уставами. Русь восприняла богослужебную практику и внутренний уклад жизни византийского и восточного монашества, в первую очередь, через Студийский и Иерусалимский уставы. На их основе в XIV–XVII вв. создавались уставы русских монастырей, для которых были характерны общие цели, наблюдалось сходство в средствах внутреннего и внешнего устройства, а особенности были вызваны типом монастыря, личностью основателя, местными и историческими условиями. Россия сохраняла связи с

греческим монашеством, под влиянием которого в XIV–XV вв. в русских монастырях происходит возрождение общежительства и распространение практики исихазма. В дальнейшем, в меняющихся исторических условиях монашество стремилось сохранить свои духовные основания, опираясь на собственный многовековой опыт.

В третьей главе «**Формирование монашества в Приуралье в досинодальный период**» рассматриваются предпосылки, условия и особенности формирования монашества в Вятско-Камском регионе. Глава состоит из трех параграфов (*3.1. Христианизация и организация церковной жизни в Приуралье в XV – первой четверти XVIII вв.; 3.2. Формирование монастырей в Пермском крае; 3.3. Монастырское строительство в Вятском крае*).

Русская колонизация Приуралья, начавшаяся в XIII–XIV вв., привела к вхождению этих земель во второй половине XV в. в состав Московского государства. Активному освоению региона способствовало присоединение Казанского и Астраханского ханств, которое обезопасило южные окраины и усилило приток переселенцев.

Параллельно с хозяйственным освоением края шел процесс церковного строительства. Вокруг храмов, которые становились опорными пунктами распространения православия, начинают складываться местные церковные традиции, связанные с почитаемыми подвижниками, иконами и крестными ходами. Однако процессы неуправляемой народной христианизации XV–XVI вв. в условиях близкого контакта русского крестьянства и языческих финно-угорских народов в Вятско-Камском регионе привели к утверждению синкретического «народного православия», в котором закрепляются неканонические формы православного обряда.

Влияние на духовную жизнь региона вологодско-пермских епископов и московских митрополитов было незначительным по причине их удаленности и слабости церковной организации. С XVI в. архиереи не проводили активного церковного строительства вплоть до создания в середине XVII в. Вятской и Великопермской епархии.

Создание монастырей в Вятско-Камском регионе началось позднее по сравнению с северными и центральными районами России и было тесно связано с колонизацией. Первые обители появились в Верхнем Прикамье под влиянием Перми Вычегодской. Со временем монастырское строительство стало распространяться на более южные районы Перми Великой. Его важным фактором, начиная с середины XVI в., стала деятельность Строгановых. За полтора столетия в основанных ими городках и селах было создано пять обителей (две Пыскорские, Чусовская, Оханная, Шерьинская). Монашество в Вятском крае формировалось вслед за пермскими землями, используя их опыт монастырского строительства. Несмотря на нахождение монастырей среди финно-угорского населения, храмы и монастыри создавались, в первую очередь, для русских поселенцев.

Монастырское строительство в Приуралье шло вслед за крестьянской колонизацией, а, порой, и обгоняло ее. Последнее было характерно, в частности, для небольших пустыней, основанных в конце XVI – первой четверти XVII вв., а

также для крупных монастырей, получавших от царя пустующие или слабозаселенные земли. Это дает основание оспорить мнение ряда советских историков, что монастырская колонизация в Приуралье шла исключительно по следам стихийной народной колонизации, почти всегда входя в конфликт с крестьянством. Документы приуральских монастырей подтверждают, скорее, точку зрения В. О. Ключевского и его учеников о параллельности и взаимообусловленности монастырской и крестьянской колонизации.

Первая волна монастырского строительства в Приуралье наблюдалась в последней четверти XVI – первой четверти XVII в. Это было связано с активной крестьянской колонизацией региона, еще более усилившейся с появлением крупных монастырей-вотчинников, и деятельностью Строгановых. Его главными форпостами стали Пыскорский Преображенский и Хлыновский Успенский монастыри, иноки которых сыграли важную роль в распространении монашества. Особая роль в этом принадлежала преп. Трифону Вятскому, заложившему духовные основания и материальную базу нескольких обителей.

Вторая волна монастырского строительства в последней четверти XVII в. была связана с созданием Вятской и Великопермской епархии в 1657 г. и деятельностью архиеп. Ионы (1674–1699). Хотя вятский архиерей и не являлся непосредственным инициатором монастырского строительства, он создал условия для духовного подъема в епархии, а также активно поддерживал инициативу местных сообществ и частных лиц по созданию новых обителей.

Формирование женского монашества шло вслед за мужским и, как правило, напрямую зависело от него в духовном, экономическом, а порой и административном отношении.

Созданию монастырей в Приуралье способствовали сибирская дорога, которая давала материальный доход и обеспечивала приток переселенцев и богомольцев, наличие крупных благотворителей, чтимые местные святые, формирование традиции пострига в старости, поддержка новых обителей со стороны государства.

Доля сельских и городских монастырей, созданных в Приуралье на протяжении XV–XVII вв., была примерно равной: 17 монастырей в городах и укрепленных городках и 17 пустыней (с учетом крупных вотчин-пустыней 19).

Что касается инициаторов создания монастырей, хотя в немногочисленных пермских городах ими могли быть посадские общины, ведущая роль в монастырском строительстве в Прикамье принадлежала Строгановым и другим крупным благотворителям-ктиторам. В вятском регионе главная роль отводилась местным сообществам. Именно здесь был зафиксирован исключительный случай, когда первый монастырь был основан по прошению пяти городов, т.е. от имени всей Вятской земли, что, вероятно, являлось отголоском периода существования вечевого республиканства. При основании монастырей в городах местное сообщество не только выделяло место, собирало средства на строительство, поддерживало его своими земельными вкладами, но и в ряде случаев определяло настоятеля. Если городские монастыри были «мирскими» или «ктиторскими», то пустыни² обычно

² Здесь под пустыню понимается монастырь негородского типа.

являлись плодом личной инициативы отдельных подвижников. Лишь в последней четверти XVII в. инициатива иноков стала чаще соединяться с поддержкой крестьянских общин.

Полученные сведения дают основания оспорить для указанного региона вывод, сделанный И. К. Смоличем, что большая часть монастырей была создана в XVI–XVII вв. по приказу государственной и церковной власти.

Также материалы Приуралья дают основания не согласиться с признанным специалистом и в вопросе о монастырской колонизации XVI–XVII вв. Игорь Смолич, описывая 6 колонизационных областей (Русский Север, западнорусские земли, Сибирь и др.), особо не выделял Приуралье, где по нашим подсчетам, появилось 33 новые обители³. Между тем, по темпам создания новых обителей оно не уступало другим регионам, за исключением Нижнего Поволжья и Центральной России, а в некоторых случаях и обгоняло их. Все это позволяет выделить Приуралье как самостоятельный регион монастырской колонизации.

В четвертой главе раскрываются правовые аспекты жизни приуральских монастырей.

В *первом параграфе «Типология вятских и пермских монастырей»* рассматриваются различные типы монастырей и формы монашества в Приуралье с учетом гендерного аспекта и местных особенностей вятских и пермских земель.

В досинодальный период в Приуралье существовали все основные типы монашества: общежительство (киновии), особножительство (идиоритмы) и отшельничество. Последнее не получило большого распространения в регионе и известно только по источникам XVI в.

Монастыри подчинялись как непосредственно патриарху (ставропигиальные) (в Вятском крае и в строгановских вотчинах до 1657 г.), так и епархиальному архиерею. Кроме того, Строгановы могли оказывать влияние на управление в своих ктиторских монастырях.

Особый тип управления представляли собой приписные монастыри, известные в Приуралье с XVII в. в трех формах: мужские, подчинявшиеся более крупному монастырю или архиерейскому дому, женские, находящиеся в экономической и административной зависимости от мужских, а также вотчины крупных мужских монастырей, которые со временем приобретали статус полусамостоятельных пустыней. К их основным признакам можно отнести зависимость от головного монастыря в управлении, распоряжении денежными средствами, а также, если речь шла о приписной женской обители, некоторые обязательства головного монастыря по обеспечению последней. При этом он имел собственную монашескую общину, мог иметь как собственное, так и совместное с основным монастырем хозяйство, не всегда обладая с ним общностью устава. В то же время наличие в вотчине храма или должности строителя еще не говорило о ней как о приписном монастыре.

³ Без учета Чердынского Богословского монастыря (осн. в XV в.), Подгородного Богословского (осн. в 1720-е гг.), Сылвинских пустыней Пыскорского и Соликамского монастырей, которые в начале XVIII в. являлись приписными монастырями.

В мужских монастырях в целом соблюдался общежительный устав, хотя не все киневии могли обеспечивать братию одеждой. Женские обители создавались исключительно в городах и являлись преимущественно идиоритмами. Также существовали женские монашеские общины. Если в Пермском крае они формировались преимущественно при мужских обителях, порождая феномен приписных и «двойных монастырей», для вятского региона были характерны общины черниц при приходских храмах. Подобные формы женского монашества были обусловлены его зависимостью от храмов и мужских обителей как в церковной жизни, так и в экономическом отношении. Сложность существования женского монашества породила немало проблем: создание женско-мужских монастырей, тесную связь с родными, скитальчество, жизнь монахинь в «миру».

Иноки, жившие за монастырскими стенами, по социальному статусу были близки нищим. Политика государства и церковных властей в XVII в., направленная против «бродячего» монашества, двойных монастырей, самопроизвольных общин, отшельничества была ориентирована на бóльшую организованность Церкви и усиление контроля над жизнью монашества. Однако подобные явления были пресечены уже в петровскую эпоху, когда стали преследоваться по закону.

Во *втором параграфе* рассматривается *правовое положение монашествующих Приуралья в досинодальный период* с точки зрения его соответствия каноническому праву и общероссийской церковно-правовой практике.

Правовое положение монашествующих вятских и пермских обителей не всегда соответствовало каноническому праву, хотя нарушения происходили сравнительно нечасто. Это касалось правил выхода монахов из обители, владения ими недвижимой собственностью, проживания с родственниками. В общежительных мужских монастырях иноки сохраняли за собой собственность, которая могла использоваться в качестве вкладов. В то же время, не встречалось примеров покупки монахами земель или какой-либо иной собственности лично для себя. В монастырях, имевших крупные вотчины, как правило, не соблюдалось соборное решение о замене посельских старцев мирскими служителями.

Вероятно, достаточно свободными были выход из монастыря, переходы из обители в обитель. При этом мужчины оказывались гораздо менее привязаны к местам своих постригов, чем женщины. Это позволяло совершать паломничества, искать близкие по духовному устройению монастыри, но могло привести и к появлению «бродячего» монашества.

Иноки нередко сохраняли отношения со своими родственниками, но это не всегда нарушало обеты и канонические правила. Родные могли оказывать помощь при пострижении и погребении иноков. Встречались примеры «семейных постригов» и совместного проживания монахов в монастыре со своими родственниками-бельцами, которые жили в качестве вкладчиков, монастырских служебников, священнослужителей. Не соответствовали церковным правилам редкие случаи проживания с монахами их малолетних детей или внуков. Сохранялись правовые отношения с родными, связанные с владением собственностью.

В то же время, характер отклонений от норм церковного права в монастырях Приуралья не сильно отличался от общероссийской ситуации, если судить по решениям церковных соборов XVI–XVII вв.

Третий параграф «Условия и мотивы поступления в монастырь» посвящен выявлению причин и обстоятельств принятия монашества.

Монашеские постриги в конце XVI–XVII вв. стали в Приуралье устойчивой традицией. Преобладала распространенная в допетровской Руси практика принятия монашества в старости. Хотя встречались и молодые монахи, желавшие всю свою жизнь посвятить служению Богу. Выбор монастыря был обусловлен близостью расположения, наличием в нем опытных старцев и чтимых святынь, уровнем обеспечения обители.

Среди мотивов ухода в монастырь встречались как религиозные, так и сугубо социальные. На принятие подобного решения могло оказать влияние семейное воспитание, пример подвижников или событие, которое человек расценивал как чудо. Нередко причиной ухода в монастырь становились вдовство и бедность. Определенная часть братии воспринимала монастырь как богадельню, призванную обеспечить их спокойную старость. Для тех, кто работал в вотчинах, принятие монашества нередко являлось формой «ухода на покой». Но даже в подобных случаях сам выбор в пользу монастыря, а не богадельни мог свидетельствовать о глубокой религиозности человека.

Пострижение в монашество имело канонические ограничения, большинство из которых соблюдалось в монастырях Приуралья. Препятствиями для поступления в монастырь могли стать обязательства в отношении родных, общества и государства, а также субъективный фактор в лице настоятеля.

При этом с точки зрения социального состава для поступления в монастырь в рамках канонических правил ни для какой социальной группы не делалось исключений. Была возможность стать иноком для семейных людей при согласии второго супруга. Вклады существовали только в нескольких монастырях, но даже там сохранялась возможность пострижения бедных. Это отличало Приуралье от центральных и некоторых других регионов, где вклады за пострижение имели более широкое распространение.

В то же время, в практике приуральских монастырей существовали примеры отсутствия или краткости испытательного срока для послушников, пострижения вне монастырских стен, противоречившие каноническим правилам, что было характерно и для других регионов.

Пятая глава «Повседневная жизнь вятского и пермского монашества в контексте взаимодействия с социокультурной и географической средой в середине XVI – первой четверти XVIII в.» направлена на изучение особенностей менталитета и повседневной жизни монашества Приуралья.

В первом параграфе «Социальный состав и численность братии вятских и пермских монастырей» рассматриваются изменения в численности и социальном составе братии вятских и пермских монастырей с учетом гендерного, возрастного и сословного аспектов.

Социальный облик братии монастырей Приуралья включал в себя практически все группы населения. По сословному составу преобладало

крестьянство, которое в 1724 г. составило 63% от общего числа монашествующих в регионе. Положение человека «в миру» оказывало определенное влияние на его послушания в монастыре. Так, церковное служение, требовавшее грамотности и богослужебного опыта, обычно ложилось на плечи бывшего приходского духовенства. В то же время, сословные рамки в XVII – начале XVIII в. были взаимопроницаемыми, поэтому даже выходцы из низов могли занять высокие должности в монастыре и получить священство, равно как и до принятия монашества вступить в духовное сословие, что особенно часто встречалось в пермском регионе.

Более широкий социальный диапазон наблюдался в городских монастырях Приуралья. Обладая лучшими экономическими возможностями, они могли обеспечивать неимущих и удовлетворять запросы состоятельных людей. Пустыни в этом отношении были более социально однородными.

Средний возраст иноков был достаточно почтенным. Так по ведомостям 1724 г. 64% монашествующих приняли постриг в возрасте старше 50 лет.

Широта влияния монастырей Приуралья выходила за рамки своих регионов. Если в 1724 г. в вятских монастырях насчитывалось только 6% «невятских», то в пермских – около трети монашествующих были из других регионов, достигая в отдельных обителях из северных районов Перми Великой 50%. Это было связано с активностью сибирского пути и потоками крестьянской колонизации. В пермских монастырях среди приезжих преобладали выходцы из архангельских и вологодских земель (68%), также высок был процент вятчан (17%). Остальные были преимущественно выходцами из центральных районов России. Среди вятского монашества 43% были выходцами из Русского Севера, 17% – из Пермского края, остальные из центральной России.

Устойчивый рост численности монашествующих на протяжении XVII в. наблюдался преимущественно в крупных монастырях региона. В остальных обителях, не имевших значительной экономической базы, динамика численности была нестабильной, что порой приводило к их самопроизвольному закрытию. В то же время петровские реформы, направленные на сокращение численности монашествующих, не получили в Приуралье широкой реализации вплоть до 1725 г., поскольку в регионе не существовало действенного контроля за их исполнением, а вятские архиереи выступали противниками нововведений.

Второй параграф посвящен рассмотрению **системы монастырского управления и послушаний**. Динамичное развитие монастыря, поддержание необходимого уровня его духовной и материальной жизни во многом зависели от нравственных и управленческих качеств настоятеля и «старшей братии», а также их способности находить консенсус. В управлении православных монастырей принцип жесткого единоначалия, характерный для католических орденов, уравнивался принципом соборности, когда институт соборных старцев дополнял мнение настоятеля. В то же время, в тех случаях, когда соборные старцы и настоятель имели различные нравственные установки, это могло приводить к серьезным конфликтам. В Приуралье институт соборных старцев был известен лишь в крупных монастырях.

В жизни монаха молитва как главное «делание» соединялось с трудом. Разнообразие послушаний (должностей) зависело от размера монастыря и обширности его хозяйства. В небольших мужских пустынях и в женских обителях оно ограничивалось обычно настоятельской и казначейской должностями, в то время как в крупных мужских монастырях их было более десятка. В случае отсутствия каких-то важных должностей, их функции обычно исполнял настоятель. Кроме того, настоятели пермских мужских монастырей управляли женскими монашескими общинами и приписными обителями. Для духовного и материального благосостояния монастыря важно было наличие деятельных монахов на «управленческих» должностях, равно как и опытного духовника, который бы обладал безусловным авторитетом среди братии. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в русских обителях хозяйственные должности (келаря, казначея), связанные с обеспечением братии, в монастырской иерархии оказывались выше духовных.

Следующие три параграфа посвящены изучению монастырского быта (**5.3. Монастырская трапеза; 5.4. Система монастырского обеспечения и уровень жизни монашествующих; 5.5. Монашеская одежда и келейный быт**).

Существование обителей было связано с одной стороны, с созданием системы их материального обеспечения, позволяющей возводить монастырские ансамбли, обеспечивать храмы церковной утварью, вести хозяйство, содержать братию. С другой – с организацией внутреннего устройства обители (быта, послушаний, духовной жизни, взаимодействия с «миром» и другими монастырями).

Монастырская повседневность строилась вокруг основных смыслов монашества, подчиняя внешнюю жизнь внутреннему «деланию» и сочетая в себе канонические правила с традициями крестьянского быта. Так, одежда и келейный быт приуральских монастырей в целом отличались простотой и исходили из практических потребностей. Общежительные монастыри были призваны обеспечивать иноков всем необходимым на принципах равенства.

Система питания в монастырях была тесно связана с богослужебным уставом, который определял частоту и содержание трапезы. В мужских киновиях Приуралья трапеза была общей, в то время как в женских особняках монастырей – индивидуальной. В основе повседневной жизни монаха лежало воздержание, при этом пища оставалась простой и питательной, необходимой для полноценного восстановления сил. В большинстве монастырей система питания не отличалась от крестьянской трапезы за исключением отсутствия мяса. Основу составляли зерновые культуры с преобладанием овса, вспомогательное значение имели рыба, молочные продукты и овощи, при этом фрукты почти полностью отсутствовали. Лишь в крупных обителях трапеза отличалась разнообразием. Основным напитком, как и во всех русских монастырях, являлся квас. Несмотря на запреты церковных соборов, алкогольные напитки присутствовали в обителях, но их употребление зависело от позиции монастырских властей. При этом использовались преимущественно слабоалкогольные напитки на меду, а не водка. Виноградное вино помимо богослужения почти не употреблялось.

«Выживаемость» монастырей во многом зависела от размеров земельных владений и промыслов, что было обусловлено царскими пожалованиями, вкладами частных лиц и деятельностью настоятелей. Государство, которое в XVI–XVII вв. стремилось ограничить монастырское землевладение, было вынуждено оказывать помощь вновь создаваемым в Приуралье обителям, поскольку было заинтересовано в освоении удаленного и слабозаселенного края. Практика выдачи царских земельных пожалований и тарханских грамот новым вятским и пермским монастырям сохранялась вплоть до середины XVII в. Материальному обеспечению обителей способствовало также расположение на сибирском тракте или в районе соледобычи.

Монастыри стремились создавать комплексное хозяйство, которое бы могло обеспечить их главные потребности. Кроме того, исходя из природных условий и экономической конъюнктуры, ряд обителей специализировался на определенном виде продукции, которая приобретала товарный характер. Это было характерно и для крупных монастырей в районах соледобычи, и для небольших малоземельных пустыней.

Большую роль в системе монастырского обеспечения имела связь монастыря с «миром». По этой причине уровень жизни в городских монастырях был выше, чем в пустынях. Важным источником поддержания экономической стабильности монастырей являлась поминальная практика.

Система обеспечения женских монастырей во многом отличалась от мужских обителей. Они практически не имели земельных владений и промыслов, поэтому гораздо больше зависели от благодетелей и создавались исключительно в городах. Источниками содержания монахинь были также их собственные средства, получаемые от родственников и за счет рукоделия, богадельные и ружные деньги. Особенностью пермских монастырей являлось существование стариц-вкладчиц, которые питались за счет мужских обителей. Женские общины за пределами городов, не имевшие тесных экономических связей с мужскими монастырями, оказались нежизнеспособны.

В целом, монастыри имели относительно стабильную систему хозяйствования и стремились жить в соответствии со своими экономическими возможностями. С учетом неблагоприятных факторов и отсутствия значительных доходов большинство обителей Приуралья, как и Зауралья, не имело возможностей для накопления средств. Исключение составляли Пыскорский монастырь, который получал значительные поступления от продажи соли, и Трифонов монастырь, являвшийся крупнейшим вотчинником в регионе.

Сравнение потребления хлеба монашествующими приуральских обителей в первой четверти XVIII в. с аналогичными показателями в крестьянских хозяйствах, полученными Л. В. Миловым, дает основание полагать, что уровень жизни в монастырях в среднем был выше. Хотя никакая отлаженная система хозяйства не давала прочных гарантий стабильности. Так, усиление фискального давления в петровское время приостановило дальнейшее монастырское строительство.

Шестой параграф посвящен вопросам *болезни и смерти в монастырской повседневности*. Принятие монашества в досинодальный период было тесно

связано с состоянием здоровья человека и нередко являлось осознанным шагом подготовки к смерти, наряду с принятием схимы, таинствами покаяния и соборования. Болезнь воспринималась не только как физический недуг; она имела и свое духовное значение, позволяя человеку переосмыслить и исправить свою жизнь. В целом, отношение к болезни, подготовка к смерти и сам чин погребения в монастырях Приуралья соответствовали общерусским традициям.

В седьмом параграфе рассматриваются формы и характер взаимодействия монастырей с «миром».

Хотя монахи уходили от мира и его забот, стремясь достичь высоты духовной жизни, они были призваны спасать не только себя, но и тех, кто остался в «мире». Поэтому молитва за православный мир являлась одним из главных смыслов внутренней жизни монашества.

Для «мира» монастыри представляли собой важнейшие духовные центры, где находились святыни, и где миряне стремились найти духовных наставников. Особое значение придавалось монастырской молитве, поэтому важным направлением взаимодействия монастыря и «мира» стала поминальная практика.

Что же касается иных форм «служения миру», русские монастыри XVI–XVII вв. в абсолютном большинстве не имели ярко выраженной функциональной специализации, характерной для европейских монашеских орденов. Так, несмотря на нахождение в окружении финно-угорских и тюркских народов, миссионерская деятельность среди язычников не стала ведущей ни для одного из известных монастырей Приуралья досинодального периода, оставаясь инициативой отдельных монахов-подвижников. Вятские и великопермские епископы начали проводить целенаправленную миссионерскую деятельность лишь со второй четверти XVIII в., а миссионерские монастыри в регионе появились только в XIX в. Подобным образом в Приуралье не получило широкого развития социальное служение монастырей, в отличие, например, от крупных обителей Русского Севера. Существовавшие при городских монастырях больницы обслуживали преимущественно монашествующих.

Монастыри Приуралья изначально ориентировались на «духовное делание» как основную цель своего служения и формирование системы своего обеспечения в сравнительно суровых природных условиях. Имеющиеся средства направлялись на содержание братии, колонизацию слабоосвоенного региона, создание монастырских ансамблей и книжных собраний в условиях частых пожаров.

В годы политических нестроений или экстраординарных локальных событий монастыри становились стабилизирующим фактором в жизни местного сообщества. При этом местные события (пожары, необычные природные явления, эпидемии, столкновения с крестьянами и местными народами) имели более важное значение в жизни приуральских монастырей, чем общероссийские (Смута, церковный раскол, войны), которые лишь косвенно затрагивали их жизнь. Однако тесное взаимодействие с «миром» могло негативно отражаться на жизни самих монастырей. Нахождение в городах и владение вотчинами не только помогало им выживать, но и становилось своеобразным «фактором риска», нередко нарушая их спокойствие.

Шестая глава «Монастыри как духовные центры в социокультурной жизни Приуралья в досинодальный период» посвящена анализу вопросов духовной жизни братии, монастырской книжности и религиозных ландшафтов.

В *первых трех параграфах* рассматриваются различные аспекты духовной жизни монастырей (*6.1. Духовное руководство и уровни духовной жизни монашествующих; 6.2. Церковная и келейная молитва как литургическое ядро монашеского служения; 6.3. Монастырь и его святыни в духовной жизни локального социума*).

В центре монашеской жизни стояла внутренняя работа человека над собой как путь к спасению души. Личностное и соборное начала в монашестве проявлялись в монастырском уставе и индивидуальном «духовном делании», предлагая общие ориентиры, цели и различные пути и методы их достижения.

В основе духовного воспитания лежала сложившаяся веками система, которая включала в себя обеты, строгость и простоту одежды и питания, участие в многочасовых богослужениях и молитвенных правилах, чтение духовных книг, систему послушаний и епитимий, исповедь и наставления духовника, личный пример его жизни, ограничение общения с «миром».

В центре «духовного делания» стояла молитва – келейная и церковная, которая определяла смысл и жизненный ритм монашества. Частота богослужений в монастырях во многом была обусловлена наличием служащего духовенства. Небольшие городские монастыри и пустыни, которые испытывали недостаток в иеромонахах, привлекали приходское духовенство, которое одновременно духовно окормляло и живущих в слободках бельцов. В женских монастырях по каноническим правилам служило, за редким исключением, белое духовенство. Монахи-отшельники, если не имели сана иеромонаха и не жили вблизи приходских храмов, на длительные периоды оказывались лишены возможности участвовать в богослужениях и церковных таинствах.

Несмотря на общие методы, настоятели и духовники, по-видимому, ориентировались на различные формы духовного руководства: если для одних была важна строгость и дисциплина, то вторые действовали, в первую очередь, на основании любви и глубокого уважения к иноку. При этом опытный наставник должен был иметь чувство меры, учитывая физические силы и духовный опыт братии.

Монахи-подвижники стремились порвать все связи с миром, однако их духовный авторитет невольно делал их «центром притяжения» для православного сообщества. В результате они становились миссионерами и старцами, которые осуществляли духовное руководство не только братии, но и мирских людей.

На рубеже XVI–XVII вв. особую роль в монастырском строительстве Приуралья сыграл преп. Трифон Вятский. На основе различных монастырских уставов и личного опыта он заложил необходимые духовные основания монастырской жизни, включая традицию общежительства, и материальную базу ряда обителей, определившие устойчивость их развития. Также он воспитал череду учеников, ставших трансляторами его духовного опыта на последующие поколения монашествующих.

Материалы Приуралья не позволяют согласиться с мнением Г. П. Федотова о повсеместном угасании русской святости, исчезновении подвижничества в монастырской среде с середины XVI до конца XVII в. Несмотря на то, что официально был прославлен только Трифон Вятский, в нескольких уездах Приуралья в XVII в. складывается почитание монахов-подвижников, которое проявлялось в благоговейном отношении к их могилам и связанным с ними реликвиям, а также в молитвенных обращениях к ним.

Важное место в духовной жизни вятских и пермских монастырей занимали почитаемые иконы. В последней четверти XVII в. они неоднократно становились предпосылкой к созданию монастырей. Сказания и предания об иконах, участие чтимых образов в крестных ходах способствовали распространению влияния обителей. Почитаемые иконы продолжали поддерживать память об обителях даже после закрытия в XVIII в. и способствовали возрождению некоторых из них в XVIII–XIX вв.

Монахи находились на разных ступенях духовного развития. Помимо тех, кто стремился жить в рамках монастырского устава, выделялась немногочисленная, но влиятельная группа подвижников, равно как и тех, кто ради плотских послаблений открыто нарушал монастырские порядки. Наличие подвижников не могло оградить братию от духовных проблем, среди которых наиболее острыми было тесное общение монастыря и «мира», бесконтрольный выход из обители, винопитие, непослушание воле настоятеля, владение личной собственностью в киновиях.

Причины подобных проблем лежали, с одной стороны, в тех представлениях о монашестве, которые порой были далеки от осознания глубины его смысла и тяжести его подвига. Негативную роль могло играть нахождение обители в городе, отсутствие или кратковременность времени искуса, наличие в ряде обителей обязательных вкладов. Наличие среди братии «лучших людей», которые стремились сохранить в монастыре свой прежний социальный статус, также создавало предпосылки для нарушения монастырских правил. Усугубляло положение владение вотчинами, занятие торговлей и промыслами, что вынуждало посельских старцев жить в отрыве от монастыря, вело к «обмирщению» их жизни.

Иногда источником проблем в монастыре становились настоятели, образ жизни которых был далек от монашеских идеалов. Это было вызвано и недостатком в провинции опытных старцев, и слабым контролем над настоятелями духовных властей, и сравнительно невысоким уровнем их богословско-аскетических знаний.

Подобные проблемы монашеской жизни были известны и в других русских монастырях, о чем свидетельствуют решения соборов XVI–XVII вв. Наряду с сокращением прославлений это дало основание ряду исследователей сделать вывод о глубоком духовно-нравственном кризисе русского монашества XVI–XVII вв., что послужило в указах Петра I обоснованием необходимости проведения монастырской реформы.

Однако подобные выводы не вполне применимы к Приуралью. Хотя вятские и пермские монастыри досинодального периода требовали определенного

реформирования, в целом их материалы не подтверждают устойчивый в историографии тезис об упадке и духовном кризисе монашества в XVII в. Существовавшие отклонения и нарушения в повседневной жизни приуральских монастырях не имели широкого распространения. Более того, именно в это время наблюдается беспрецедентный рост монастырей, живой интерес местного сообщества к монашеству, формирование устойчивой традиции пострижения в старости и в тяжелой болезни, широкое почитание икон и мощей. В мужских монастырях сохранялось общежительство, которое во многих обителях страны было вытеснено «облегченным» особножительным уставом. Кроме того, против устоявшегося тезиса о кризисе говорит и наличие среди монашества Приуралья подвижников веры в последней четверти XVI–XVII вв., не известных по источникам ни предшествующего периода, ни XVIII столетия, память о которых сохранялась благодаря народным преданиям и письменным источникам. Все это свидетельствовало о достаточно высоком уровне религиозности в вятском и пермском обществе.

В то же время, нет оснований утверждать, что сказанное справедливо для других епархий. Возможно, мы сталкиваемся здесь с особенностями приуральского региона, связанными с более поздним возникновением монастырей и удаленностью от крупных монастырских центров, которые были более глубоко затронуты процессами обмирщения.

В *последних двух параграфах* – показана роль монастырей как культурных центров Приуралья в досинодальный период.

В *четвертом параграфе «Монастырский ландшафт: семиотика монастырских ансамблей»* рассматривается символизм монастырских ансамблей. Вятские и пермские обители представляли собой «пространственные иконы» разной степени сложности, которые в своем развитии могли становиться частями более крупных сакральных пространств. Их динамика определялась богослужениями, притоком богомольцев и крестными ходами, статика – храмами, часовнями, чтимыми иконами, мощами и могилами подвижников, которые по мере расширения их почитания утверждались в сознании местного сообщества как покровители родной земли.

Монастырь воспринимался как образ Небесного Иерусалима. Именование храмов было обусловлено широким почитанием Богородицы и местных икон, с которыми предания связывали появление тех или иных монастырей. Среди названий престолов нередко встречались имена святых – покровителей царствующего дома, ктиторов-благотворителей и монашества в целом. При этом, несмотря на широкое почитание в регионе свт. Николая, ни один монастырь в регионе не носил его имя.

В названиях проявлялись не только местные традиции, но и политика государства, которое «маркировало» территорию в своей знаково-символической системе.

В *пятом параграфе «Монастыри и книжность Приуралья»* анализируются состав и структура книжных фондов монастырей Приуралья в призме духовной жизни, их качественное и количественное изменение на протяжении XVII – начала XVIII в.

В Вятско-Камском регионе монастыри являлись главными книжными центрами. Материалы Приуралья не позволяют согласиться с мнением С. П. Луппова, что монастырские и церковные библиотеки в XVII в. утратили свое доминирующее положение. Конкуренцию Хлыновскому и Пыскорскому мужским монастырям могли составить лишь книжные собрания Строгановых и библиотека Вятского архиерейского дома.

Среди общероссийских факторов, оказавших влияние на развитие книжной культуры в Приуралье в XVII в., следует отметить переход богослужебных книг с рукописной на печатную основу, которому способствовала деятельность Московского печатного двора, замена рукописных и старопечатных новопечатными вследствие церковных реформ патр. Никона, усиление роли государства, которое рассылало книги в отдельные монастыри. В результате к началу XVIII в. практически во всех обителях Приуралья наблюдалось преобладание печатных изданий. Также на книжность оказала влияние внутрицерковная и межконфессиональная полемика и усиление западного влияния через активное проникновение украинской и белорусской богословской и духовно-нравственной литературы.

Первоначальное формирование монастырских библиотек происходило за счет ктиторов и инициаторов строительства обители. В дальнейшем основную роль играли вклады наряду с покупкой и переписыванием книг.

Основой всех монастырских библиотек являлись богослужебные книги, что было обусловлено смыслом и содержанием монашеской жизни. Книжные собрания в монастырях были обширнее, чем в приходских храмах, поскольку включали в себя богослужебный минимум «расширенного» состава и «четыре книги». Последние составляли в среднем четвертую часть книжных собраний, уступая монастырским библиотекам Русского Севера. В вятских и пермских монастырях, как и в целом в России, в допетровскую эпоху популярностью пользовались преимущественно аскетические труды св. отцов, практические книги по «духовному деланию». В отличие от католиков русский человек, не обремененный духовным образованием, воспринимал веру, главным образом, «не умом, а сердцем», стремясь познать Бога опытным путем, через молитву, а не через умственные размышления.

Сугубо для келейного чтения грамотной братии предназначалась незначительная часть авторов и сборников духовно-нравственного содержания, сочинения церковной публицистики. Последняя группа книг концентрировалась в трех крупнейших мужских монастырях Приуралья – Хлыновском, Пыскорском и Соликамском. В результате церковная полемика, равно как и западное влияние некоторых книг украинских и белорусских авторов, практически не затронули монашеские корпорации. Использование проповедей в повседневной практике монастырской жизни также остается под вопросом.

Сама ограниченность репертуара монастырских библиотек отражала особенность восприятия книги как «собрания вечных истин», которые требовали не разнообразия, а постоянного повторения. Русский монах был ориентирован не на рождение новой богословской мысли, а на воспроизведение традиции. Состав

книг и авторов был устоявшимся, прошедшим проверку временем и опытом духовной жизни многих поколений монахов.

О развитии интереса к книжной культуре в монашеской среде Приуралья свидетельствовали не только монастырские библиотеки, их количественное и качественное расширение, но и частные собрания иноков, появление интереса к местной истории и к обучению грамотности, а также создание в монастырях оригинальных житийных произведений и сказаний. Причем для жития Трифона Вятского были характерны такие черты литературы второй половины XVII в. как индивидуальное начало автора и реалистичность описываемых событий. Благодаря этому обители становились центрами формирования самобытной уральской литературы.

Развитие книжности было тесно связано с грамотностью, которая в первой трети XVIII в. охватывала примерно 25% братии мужских монастырей Приуралья. Монашествующие, не обладавшие навыками чтения, тоже имели возможность познакомиться с большей частью книжных собраний – через церковные службы, общие молитвенные правила и чтение во время трапезы. Это создавало особый вид начетнической «грамотности», когда многие тексты Св. Писания монахи знали наизусть. Все это постепенно приобщало иноков к духовному опыту монашества и знакомило с ключевыми христианскими текстами.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

В течение полутора столетий в Вятско-Камском регионе сложилась система монастырей, достигшая к концу XVII в. своего расцвета. Для монастырского строительства были характерны тесная связь с колонизацией, высокая степень местной инициативы, поддержка новых обителей со стороны государства.

В основу внутреннего устройства мужских монастырей Приуралья были положены уже угасавшие в то время традиции общежительства, в то время как женские обители и общины, не имевшие должной экономической поддержки, оставались особными. Монастырская повседневность строилась вокруг основных смыслов монашества, сочетая в себе канонические правила и традиции крестьянского быта Русского Севера и Урала.

Монастыри стали важным фактором социокультурной жизни провинциального сообщества, влияя на формирование религиозного сознания и местного самосознания, духовных традиций, самобытной региональной культуры. В условиях удаленности церковных властей они распространяли и укрепляли православные ценности на новых территориях. Порой их влияние выходило за рамки Приуралья, проникая в земли Русского Севера и в меньшей степени центральных регионов России.

Взаимодействие вятских и пермских монастырей с местными сообществами носило двойственный характер. Не только «мирские» обители, но и удаленные пустыни с течением времени становились «центром притяжения», втягивая местные сообщества в свою духовную жизнь и в хозяйственную систему. Монастыри являлись консолидирующими центрами локальных сообществ и социальными стабилизаторами в условиях государственных и социальных «нестроений». При этом ни социальная, ни миссионерская деятельность

монастырей не получили развития в XVI–XVII вв. Имеющиеся средства направлялись на содержание братии и «монастырских людей», колонизацию слабоосвоенного региона, создание монастырских ансамблей, страдавших от пожаров, приобретение книг и церковной утвари. В то же время, тесные связи с «миром» и стремление к материальной стабильности могли оказывать негативное влияние на внутреннее устройство обителей.

Процессы обмирщения сознания и культуры в XVII в. слабо затронули обители Приуралья. Тенденции Нового времени здесь запаздывали, проявив себя преимущественно в вотчинах Строгановых. Монашество достаточно нейтрально, хотя и избирательно, относилось к новым явлениям, спокойно приняв никоновские реформы, но, в то же время, не проявив большого интереса к украинской и белорусской духовной литературе, затронутой западным влиянием. Церковные реформы Петра I также первоначально не получили широкой реализации в Приуралье из-за негативного отношения к ним местных архиереев и духовенства.

Кризисные моменты в религиозной жизни вятского и пермского монашества в досинодальный период проявили себя слабее, чем в ряде других регионов страны. XVI–XVII вв. стали для Приуралья временем духовного подъема и широкого монастырского строительства. Поступательное развитие приуральского монашества было приостановлено петровскими преобразованиями, открыв для них новый, синодальный период истории Русской Православной Церкви.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

***Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах,
определенных ВАК***

1. Кустова, Е. В. Вятская духовная школа в XVIII в.: основные проблемы и пути их решения / Е. В. Кустова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 2(5). – С. 16–26. (1,5 п.л.)
2. Кустова, Е. В. Вятский Успенский Трифонов монастырь в призме реформ Петра I / Е. В. Кустова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 4(5). – С. 6–12. (0,9 п.л.)
3. Кустова, Е. В. Документы Госархива Кировской области как источник по изучению некрополя Вятского Успенского Трифонова монастыря / Е. В. Кустова // Отечественные архивы. – 2013. – № 4. – С. 39–48. (0,8 п.л.)
4. Кустова, Е. В. Монахи и «сродники»: из истории социальных отношений в монастырях Вятской и Великопермской епархии в XVIII в. / Е. В. Кустова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6 (32) : Ч. II. – С. 94–98. (0,6 п.л.)
5. Кустова, Е. В. Особенности послушаний монашествующих в XVIII в. (по материалам Вятской и Великопермской епархии) / Е. В. Кустова // Вестник

- Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – № 2(1). – С. 38–44. (0,7 п.л.)
6. Кустова, Е. В. Призрение больных монашествующих в вятских и пермских монастырях в XVIII в. / Е. В. Кустова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12(38) : Ч. I. – С. 113–116 (0,4 п.л.).
 7. Кустова, Е. В. Личностный фактор в миссионерской деятельности среди удмуртов в середине XVIII в.: на материалах жизни игумена Феодота (Ившина) / Е. В. Кустова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2014. – № 1. – С. 48–55 (0,9 п.л.).
 8. Кустова, Е. В. Служба и служение: отставные военные в вятских и пермских монастырях в XVIII веке / Е. В. Кустова // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 2. – С. 58–65 (1,0 п.л.).
 9. Кустова, Е. В. Верхъязвинская (Обвинская) Успенская пустынь: из истории основания и возрождения пермской обители / Е. В. Кустова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 11(49): Ч. II. – С. 107–109. (0,3 п.л.)
 10. Кустова, Е. В. «Малобратственный» монастырь между двух эпох: из истории Куринского Архангельского монастыря 1676–1764 гг. / Е. В. Кустова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 6. – С. 48–65. (1,6 п.л.)
 11. Кустова, Е. В. Отношения монашествующих с родственниками в XVII – первой четверти XVIII в. По материалам монастырской делопроизводственной документации / Е. В. Кустова // Вестник архивиста. – 2015. – № 4. – С. 165–176. (0,5 п.л.)
 12. Кустова, Е. В. Формирование монастырских пустыней в Вятском крае в XVI–XVII вв. / Е. В. Кустова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 5–6. – С. 81–89. (0,95 п.л.)
 13. Кустова, Е. В. Ведомости монашествующих 1724 г. как исторический источник: информационный потенциал и степень достоверности / Е. В. Кустова // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2015. – Вып. 4. – С. 48–55. (0,9 п.л.)
 14. Кустова, Е. В. Истобенский Троицкий монастырь в XVII – начале XVIII вв.: социокультурный и экономический аспекты / Е. В. Кустова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2015. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 9–16. (1,0 п.л.)
 15. Кустова, Е. В. К вопросу об условиях формирования вятских монастырей на рубеже XVI–XVII вв. (по материалам Слободского Богоявленского монастыря) / Е. В. Кустова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия исторические науки. – 2015. – №3. – С. 8–15. (0,6 п.л.)
 16. Кустова, Е. В. Строгановы и монастырское строительство в Приуралье в середине XVI–XVII вв. / Е. В. Кустова // Вестник Томского государственного университета. Серия История. – 2016. – № 402. – С. 71–78. (1,0 п.л.) (WoS)

17. Кустова, Е. В. К вопросу об именовании монастырских храмов в Вятском крае в конце XVI–XVII вв. / Е. В. Кустова // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. Сер. История. История Русской Православной Церкви. – 2016. – № 3. – С. 21–34. (1,1 п.л.)
18. Кустова, Е. В. Монастырское строительство в Перми Великой в XV–XVII вв. / Е. В. Кустова // Вопросы истории. – 2016. – № 4. – С. 143–159. (1,3 п.л.) (WoS)
19. Кустова, Е. В. Формирование женского монашества в Приуралье в XVII – первой четверти XVIII вв. / Е. В. Кустова // Российская история. – 2016. – № 2. – С. 61–75. (1,25 п.л.) (Scopus, WoS)

Монографии

20. Кустова, Е. В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря / Е. В. Кустова. Т. 1. История монастыря от основания до наших дней. – Вятка [Киров]: Буквица, 2012. – 752 с. (87,4 п.л.)
2-е изд., испр. 2012. – 752 с. (87,4 п.л.)
21. Кустова, Е. В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря / Е. В. Кустова. Т. 2. Справочные материалы. – Вятка [Киров]: Буквица, 2012. – 312 с. (36,3 п.л.)
2-е изд., испр. и доп. 2013. – 312 с. (36,3 п.л.)

Другие публикации

22. Кустова, Е. В. Вятский край в XVII в. / Е. В. Кустова // Вятский край с древности до наших дней / отв. ред. В. А. Бердинских : учеб. пособие. – Киров: Дом печати – Вятка, 2006. – С. 63–88. (1,7 п.л.)
23. Кустова, Е. В. К вопросу о некоторых датировках событий жизни преп. Трифона / Е. В. Кустова // Церковь в истории и культуре России : сб. материалов Междунар. науч. конф. – Киров, 2010. – С. 56–59. (0,3 п.л.)
24. Кустова, Е. В. К портрету вятского архимандрита XVII в. / Е. В. Кустова // Церковь в истории и культуре России : сб. материалов Междунар. науч. конф. – Киров, 2010. – С. 59–63. (0,5 п.л.)
25. Кустова, Е. В. Идеальный замысел ансамбля Хлыновского Успенского монастыря конца XVI – начала XVII в. / Е. В. Кустова // Прозоровский альманах : сб. науч.-исслед. материалов. – Киров, 2011. – Вып. 3. – С. 136–146. (0,8 п.л.)
26. Кустова, Е. В. Ревностный келарь (к биографии Ильи Семакина) / Е. В. Кустова // Герценка: Вятские записки. – Вып. 19. – Киров, 2011. – С. 62–67. (0,4 п.л.)
27. Кустова, Е. В. Монастырский быт в XVIII в. (по материалам Вятского Успенского Трифонова монастыря) / Е. В. Кустова // Вятская земля в прошлом и настоящем : сб. материалов регион. науч.-практ. конф. – Киров, 2012. – С. 19–27. (0,5 п.л.)
28. Кустова, Е. В. Вятское ученое монашество в XVIII веке / Е. В. Кустова // Обретение святых : сб. науч. работ III Региональной церк.-науч. конф. – Киров, 2012. – С. 64–80. (1,0 п.л.)
29. Кустова, Е. В. Система питания в вятских монастырях в XVIII–XIX вв. / Е. В. Кустова // Повседневность российской провинции XIX–XX вв. :

- материалы Всерос. науч. конф. В 2 ч. – Ч. I. – Пермь, 2013. – С. 321–328 (0,5 п.л.).
30. Кустова, Е. В. Книжные собрания Вятского Успенского Трифонова монастыря и их эволюция в XVII – начале XX в. / Е. В. Кустова // Румянцевские чтения-2013 : материалы Междунар. науч. конф. – М., 2013. – Ч. 1. – С. 339-345. (0,4 п.л.)
31. Кустова, Е. В. Духовная жизнь русского населения Вятского края в XIV – середине XVI вв. / Е. В. Кустова // Традиционные общества: неизвестное прошлое : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2013. – С. 131–136. (0,4 п.л.)
32. Кустова, Е. В. Волнения монастырских крестьян в Вятском крае в середине XVIII в.: личностный фактор / Е. В. Кустова // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории : материалы XVII Всерос. науч.-теор. конф. – М., 2013. – С. 367–374. (0,5 п.л.)
33. Кустова, Е. В. Празднование 300-летнего юбилея со дня преставления преподобного Трифона Вятского / Е. В. Кустова // Обретение святых : сб. материалов IV Межрегион. церк.-науч. конф. – Киров, 2013. – С. 54–67. (0,7 п.л.)
34. Кустова, Е. В. Материалы к биографии настоятеля Вятского Успенского Трифонова монастыря архимандрита Александра / Е. В. Кустова // Обретение святых : сб. материалов IV Межрегион. церк.-науч. конф. – Киров, 2013. – С. 49–54. (0,3 п.л.)
35. Кустова, Е. В. Монастырская колонизация в Кунгурском уезде Пермского края во второй половине XVII в. / Е. В. Кустова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2014. – Вып. 2(8). – С. 179–200. (1,2 п.л.)
36. Кустова, Е. В. Вопросы взаимодействия духовного образования и монашества в Вятской и Великопермской епархии в XVIII в. / Е. В. Кустова // Материалы VI Всероссийской православной науч. конф. в честь св. Кирилла и Мефодия. – Киров, 2014. – С. 106–113. (0,5 п.л.)
37. Кустова, Е. В. Духовное завещание преподобного Трифона Вятского / Е. В. Кустова // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2014. – С. 168–171 (0,3 п.л.).
38. Кустова, Е. В. К вопросу о типологии монашеских пустыней в Приуралье в XVI–XVII вв. / Е. В. Кустова // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития : сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. – Ч. 1. – Тамбов, 2014. – С. 78–80 (0,1 п.л.).
39. Кустова, Е. В. К вопросу об общежительных монастырях в Приуралье в XVII – первой четверти XVIII в. / Е. В. Кустова // Вятская земля в пространстве исторической памяти» : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Киров, 2014. – С. 68–72. (0,2 п.л.)
40. Кустова, Е. В. Об отношении вятчан к монастырским вкладам в конце XVI в. / Е. В. Кустова // Духовная жизнь региональных сообществ: история, культура, повседневность : сб. докладов III Междунар. науч. конф. – Казань, 2014. – С. 132–136. (0,3 п.л.)

41. Кустова, Е. В. Первые ректоры Вятской духовной семинарии в XVIII в. / Е. В. Кустова // Вятская земля в прошлом и настоящем : сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. – Т. 1. – Киров, 2014. – С. 124–129. (0,3 п.л.)
42. Кустова, Е. В. Развитие земельного хозяйства Хлыновского Успенского монастыря в конце XVI–XVII вв. / Е. В. Кустова // Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Оренбург, 2014. – С. 182–187. (0,6 п.л.)
43. Кустова, Е. В. Роль сибирской дороги в формировании монастырей в культурном ландшафте Кайско-Чердынского пограничья в XVII в. / Е. В. Кустова // Актуальные проблемы этноэкологии на западе и востоке славянского мира: сб. материалов Междунар. науч. семинара. – Киров, 2014. – С. 105–108. (0,2 п.л.)
44. Кустова, Е. В. Типы монашеского устройства в Древней христианской Церкви: от анахоретства до киновии / Е. В. Кустова // Коллективизм и индивидуализм: идеи и практика: сб. материалов Междунар. науч. конф. – Киев; Магнитогорск; Буча, 2014. – С. 63–69. (0,3 п.л.)
45. Кустова, Е. В. Хлыновский Преображенский монастырь в XVII – первой четверти XVIII вв. / Е. В. Кустова // Вятский исторический сборник. Год 2014-й. – Киров, 2014. – С. 26–59. (2,1 п.л.)
46. Кустова, Е. В. Формирование монастырей в Верхнекамье в XVII в. и их судьба в XVIII в. / Е. В. Кустова // Обретение святых – 2014: сб. материалов VI Межрегион. церк.-науч. конф. – Киров, 2015. – С. 80–91. (0,8 п.л.)
47. Кустова, Е. В. «Архимандрит Иуст сделал монастырь пуст»: о роли настоятеля в судьбе монастыря в XVIII в. / Е. В. Кустова // Россия и мир. Гуманитарные проблемы : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 20. – СПб., 2015. – С. 92–98. (0,45 п.л.)
48. Кустова, Е. В. К вопросу о попытках обретения мощей преподобного Трифона Вятского в XIX–XX вв. / Е. В. Кустова // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности : сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. – Т. 9. – Тамбов, 2015. – С. 103–104. (0,1 п.л.)
49. Кустова, Е. В. О роли Романовых и Бабиновых в истории Введенской Верх-Яйвенской пустыни / Е. В. Кустова // Марийский археографический вестник. – 2015. – №25. – С. 70–73. (0,2 п.л.)
50. Кустова, Е. В. Короткий век вятской обители (из истории Усть-Святицкого Спасского монастыря) / Е. В. Кустова // Церковь. Богословие. История : материалы IV Междунар. науч.-богосл. конф. – Екатеринбург, 2016. – С. 181–185. (0,25 п.л.)
51. Кустова, Е. В. К вопросу о свободе выхода иноков из монастырей в Приуралье в XVII – начале XVIII вв. / Е. В. Кустова // Материалы VIII Всероссийской православной научной конференции в честь св. Кирилла и Мефодия. – Киров, 2016. – С. 93–97. (0,3 п.л.)
52. Кустова, Е. В. Архимандрит московского Новоспасского монастыря Иоанн (Черепанов): вятские страницы жизни / Е. В. Кустова // Церковь в истории России. К 70-летию Николая Николаевича Лисового. Сб. 11. – М.: ИРИ РАН, 2016. – С. 218–227. (0,5 п.л.)